

ФОРМЫ «КУЛЬТУРЫ СОГЛАСИЯ» В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СРЕДЕ

УДК 009:316.647.6

СОВЕТСКИЙ МИР: КОНФОРМИЗМ И КОНФОРМИСТЫ¹

Т. А. Круглова, М. А. Литовская

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19
tkruglowa@mail.ru
marialiter@gmail.com

Представлен междисциплинарный проект, посвященный анализу феномена конформизма в художественной среде. Дается обзор проблемного поля серии теоретических семинаров, организованных в Уральском федеральном университете в 2012 – 2015 гг. и проведенных с участием ученых-литературоведов, искусствоведов, лингвистов, историков, социологов, философов, антропологов, практиков литературы и кино. Конформизм рассматривается в качестве культурно-исторического феномена советской культуры, формы «культуры согласия». Кратко описываются ресурсы методов различных гуманитарных наук применительно к феномену советского конформизма: теории полей П. Бурдье, прагматистской версии социологии культуры, институционального подхода, социолингвистического анализа.

Ключевые слова: конформизм, социалистический реализм, советская художественная культура, институциональный подход к искусству, культурно-антропологический подход к искусству, французская социология культуры.

Междисциплинарные теоретические научные семинары с указанным общим названием проходят в Уральском федеральном университете имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург) на базе Института гуманитарных наук и искусств и Института социально-политических наук с 2012 г. За это время состоялось пять семинаров: «Советский мир: конформизм и конформисты» (12.04.2012), «Конформизм в искусстве: случаи советских художников» (04.12.2012), «Левая идея в поле советского искусства» (25–26.04.2013), «Художник в ситуации смены идеологии» (15.02.2014), «Советские художники: власть институтов и ресурсы групповой адаптации» (13.02.2015). В их работе в качестве докладчиков приняли участие более тридцати человек из разных городов России.

Этот проект придуман и реализуется двумя преподавательницами университета, доктором филологических наук М.А. Литовской и доктором философских Т.А. Кругловой. Изначально он был связан с научными интересами организаторов – исследовательниц искусства советского периода, в частности, с их стремлением отойти от широко распространенного с конца 1980-х гг. противопоставления «сервильного советского» и «героического антисоветского», когда характеристики «конформист», «конформный» становились своего рода этическим приговором, а ценность творчества того или иного автора определялась количеством написанного им «в стол» или же запрещенного, положенного «на полку». Изучение творчества таких авторов, как Сергей Прокофьев, Алексей Толстой или Юлий Райзман, знание фактов истории советской и не только советской культуры приводило к мысли о том, что лояльность власти и даже стремление ей угодить отнюдь не обязательно сопровождалось угасанием таланта, а необходимость так или иначе договариваться с институциями, отвечающими за выход к аудитории книг, фильмов, музыкальных текстов, входила в повседневную практику деятелей искусства, могла и побуждать к «порче» задуманного свободным творцом, и восприниматься как обычная часть творческого процесса, и даже становиться толчком для развития. В общем, как заметил позже один из участников семинара, историк анимации Г.Н. Бородин, «в советское время возникло поколение художников, у которых не было другого выбора, кроме существования в этих рамках. А значит, их желание выразиться, проявить свою индивидуальность осуществлялось внутри этих заданных рамок. В результате мы имеем феномен демократического, доступного, массового авторского кино» [*Материалы...*, 2012].

Такой подход к проблеме, на первый взгляд, не отличается оригинальностью; более того, здравый смысл подсказывает, что подобное положение вещей в идеологически жестко выстроенном государстве, каковым являлось советское, не могло не быть обычным, но анализ творческого поведения советских деятелей искусства и текстов искусства свидетельствовал об обратном: конформизм вменялся в вину талантливым, замалчивался у гениальных, воспринимался как причина поражений у большинства, нередко демонизировался.

С конца нулевых годов, анализируя не только советское прошлое, но и российское настоящее, критики все чаще прибегали к понятию конформизма для символического поощрения или разоблачения писателей, кинематографистов, музыкантов; не случайно конформизм, в частности, конформизм советский, превратился в популярную тему искусства. Таким образом, инициаторы семинаров в выборе темы руководствовались поиском новых подходов к прояснению как советского прошлого, так и – косвенно – настоящего. Желание описать практики конформизма, понять логику конформистов, представить портреты конформистов в советском обществе подталкивало к организации более или менее широкого и открытого обсуждения этой проблемы с разных точек зрения.

В названии цикла семинаров (пользуемся случаем поблагодарить О.В. Шабурову, которой принадлежит его окончательная формулировка), используя многозначность понятия «мир» в русском языке, стремились подчеркнуть как уникальность «советской» цивилизации и исторической эпохи, так и то, что согласие, единство, отсутствие социальных антагонизмов декларировались в советском обществе как важнейшие его завоевания. Когда семинар затевался, организаторы не слишком рассчитывали на его долгое существование. Было опасение, что рассмотрение специфического типа согласия, которое стало основой устойчивости советских практик, где все стороны понимали и принимали определенные правила игры, не может вызвать широкого интереса. Большинство исследовательских проектов, начиная с «перестройки» и заканчивая сегодняшним днем, были связаны с заполнением «белых пятен» в истории советского искусства. Следствием этого стал интерес преимущественно к художественным явлениям, которым в силу идеологических причин раньше не уделялось должного внимания, к тому, что получило название «другого» или «альтернативного» искусства. Все, что не вписывается в официальный советский канон, при таком подходе обычно квалифицируется как неконформизм. Эта концептуальная рамка до сих пор считается продуктивной. Свежий пример – международная конференция «Эрнст Неизвестный и неконформизм в искусстве СССР», прошедшая 8 апреля 2015 г. в Екатеринбурге. Акцент на неконформизме свидетельствует о наличии теоретической установки, согласно которой значительным для художественного процесса может быть только официально отвергаемое, гонимое либо не имеющее массового успеха маргинальное искусство.

Одна из целей организаторов проекта заключалась в критическом пересмотре такой установки, попытке сменить исследовательскую оптику, переключить внимание с маргиналий на мейнстрим. Предполагалось, что анализ явлений, имевших официальный статус, широкую государственную поддержку, коммерческий успех, выраженный в тиражах книг, количестве копий кинофильмов, участии в выставках, заказах, премиях, наградах, званиях, позволит понять и объяснить, возможно, скрытые для самих участников проекта, но важные механизмы существования художественной культуры. В советском контексте эти процессы могут быть изучены только через явления и персоны, на которые может быть наклеен ярлык «конформизм» и «конформист».

В числе первых участников семинаров были в основном социолингвисты, историки, философы, занимающиеся советскими словарями и советской риторикой, тоталитарным языком, практиками сопротивления советской государственной машине (Н.А. Купина, О.А. Михайлова, И.Т. Вепрева). Казалось бы, идентификация конформиста, для которого согласно словарному определению характерны «некритическое принятие и следование господствующим мнениям и стандартам, стереотипам массового сознания, традициям, авторитетам, принципам, установкам и пропагандистским клише», с советским человеком лежит на поверхности, ведь советские люди, по идее, должны были исповедовать одну веру и жить по строгим «кодексам», соблюдение которых так или иначе отслеживалось. Но уже первые доклады участников семинара показали, что изучение общества через судьбы конкретных людей заставляет исследователей отказываться от использования бинарной логики господства/подчинения, свободы/принуждения, творчества/подражания при описании отношений с социальным целым тех, кто на первый взгляд является пассивным объектом манипу-

ляций. Конечно, поколения людей были вынуждены обустроить свою жизнь, имея в виду необходимость учитывать предписываемые «кодексы». Но, во-первых, даже поверхностный взгляд на повседневную жизнь советских людей обнаруживает, что они вырабатывали широкий спектр стратегий и тактик поведения: от открыто выражаемого инакомыслия до демонстративного согласия с предлагаемыми (чаще – навязываемыми) способами мыслить и действовать. Значительную часть общества составляли люди лавирующие, выстраивающие свою жизнь с помощью различных приспособительных стратегий, испытывая потребность в приятии общих ценностей и правил, стремясь не выделяться, заботясь о собственных интересах. Покладистость конформиста при ближайшем рассмотрении обманчива, стоит лишь задаться вопросом, что за ней скрывается: маска послушания, защищающая внутренний мир? страх перед свободой и ответственностью? спасительный здравый смысл? Внимательный взгляд на конформизм может помочь понять добровольно-принудительную природу общественного согласия. Следы обоснования как своего, так и чужого конформистского поведения внимательный глаз находит в языке, бытовых практиках советского времени, текстах искусства (см: [Воробьева, 2013]).

Постепенно к работе семинара подключились как исследователи отдельных человеческих историй, так и специалисты, анализирующие функционирование советских институций. У каждого нашлся материал, так или иначе связанный с реалиями приспособления к государственным требованиям, вынужденной или добровольной адаптации к предписаниям, шла ли речь о деятельности редакций Союзмультифильма (М.В. Ромашова, Г.Н. Бородин), советской судьбе иконописцев Палеха (Л.А. Кривцова), неопубликованных дневниках работницы Главреперткома (Ю.В.Клочкова), образной системе стихотворений Осипа Мандельштама и Николая Заболоцкого, расценках Союза советских художников (Г.А. Янковская), письмах пермского доцента, сетующего на искажение правды жизни в лакированных произведениях советских литераторов (см: [Лейбович, 2013]), или свердловских художников, выражавших отчетливо оппозиционные по отношению к официальному искусству взгляды (см: [Трошина, 2015]).

В итоге взгляд на различные аспекты советского конформизма представили литературоведы, искусствоведы, лингвисты, историки, социологи, философы, антропологи, практики литературы и кино. Проблемное поле темы оказалось очень широким, буквально каждое понятие вызвало споры, в результате обсуждения основное внимание было решено уделять анализу деятельности участников советского художественного процесса. Речь шла, в частности, о специфике советского «производства» конформистов: адаптивных стратегиях советских художников, практиках согласия и уклонения, лавирования и сотрудничества с властью, поисках «ниш», формах «торга», обмена ресурсами разного рода и т.п. Анализировались мифология и риторика описания советского конформизма и неконформизма, проблема границы между официальным и неофициальным искусством. Авторами докладов предпринимались также попытки создать культурно-антропологические портреты некоторых советских художников, более или менее удачно вписавшихся в советскую идеологическую и эстетическую систему: Валентина Катаева (см.: [Литовская, 2013, 2014]), Сергея Прокофьева (см.: [Круглова, 2013, 2014; Девятова, 2013]), Григория Козинцева (Е. Я. Марголит).

Не менее интересными оказались проблемы генезиса феномена конформизма в период советских модернизаций: как художники с разными эстетическими установками приспособляются к новым канонам? Что происходит с участниками художественного процесса: перековка? перестройка? мимикрия? интеграция? Как советские художники адаптировали собственные художественные программы к новым правилам и требованиям в ситуациях резкой смены эстетико-идеологической парадигмы: «культурной революции» 1917–1925 гг., сталинской модернизации 1930–1940-х гг., хрущевской «оттепели» середины 1950–1960-х гг.? Каковы были траектории развития «левых» художников, «генетически» связанных с радикальными революционными проектами русского авангарда, избравших стратегии вписывания в систему социалистического искусства [Ильченко, 2013, Васильев, 2013].

Каждый семинар открывал новые повороты в заявленной теме, общая постановка проблемы приобретала все более конкретный характер. Много внимания уделялось рефлексии над коннотациями понятия. В результате продолжительного обсуждения выяснилось, что «конформизм» оказался термином, семантический фокус которого смещается в зависимости от выбранной системы координат. Размытость ориентиров, отсутствие устойчивого ценностного консенсуса в обществе, с одной стороны, являются питательной почвой для лавирования, поиска «ниш» для реализации

творческих планов, а с другой – понижают градус самого творчества. Участники дискуссий отмечали принципиальное различие систем координат в разных исторических периодах советской истории.

Постепенно, по мере введения в поле анализа участников семинара новых позиций и факторов влияния, понятие «конформизм» приобретало все более этически нейтральный характер, что отсылало к объективным социокультурным процессам, характерным для обществ модерна. Обозначился круг вопросов, связанных с тесным переплетением эстетических, экономических, институциональных и политических факторов в художественной жизни страны, их влиянием на позиции и стратегии творцов. Так, материал доклада Л.А. Кривцовой об артели «Палех» вызвал продуктивную дискуссию о роли экономического фактора в процессе трансформации художественной программы палешан, о влиянии мировых экспертных сообществ и институций на успех внутри советского поля искусства. Обсуждение докладов о противостоящих группах советских художников вывело на обсуждение темы распределения ресурсов (доклад Г.А. Янковской, 2015), [Журавлева, 2015], проводились аналогии между особенностями устройства поля искусства и поля социалистической экономики, также сосредоточенной на распределении. Участники дискуссии обращали внимание на то, что обсуждение творческих вопросов в документах союзов художников, писателей, кинематографистов выглядит вторичным по сравнению с «борьбой за власть». Ряд сообщений был основан на материале «человеческих документов» – дневников (доклады Ю.В. Клочковой о Софье Чекиной, А.А. Медведева о Михаиле Пришвине), мемуаров, что подтолкнуло к рассмотрению проблем соотношения искренности и лицемерия, приватного и публичного, независимого и подцензурного в составе приспособительных практик в 1930-е – 1940-е гг. [Савкина, 2013].

Предметом интереса участников семинара стал поиск методологического инструментария анализа конформизма за пределами традиционных трактовок этого феномена как социально-психологического. Большую помощь в этом поиске оказало участие Т.А. Кругловой, М.А. Литовской и Е.П. Неменко в международном проекте «Трансформации в литературных полях СССР и Франции: циркуляция "левой идеи" в период с середины 1920-х – до середины 1950-х гг.» В центре проекта находилась проблема политизации искусства в XX в., которая является одной из магистральных во французской школе социологии искусства. Французские исследователи не используют понятие конформизма, в центре их внимания находится феномен ангажированности художников в обществе модерна. Изучение практик ангажированности писателей как серий ситуаций морального выбора имеет принципиальную методологическую важность и для исследования феномена советского конформизма, особенно в контексте исторического сравнения в рамках одного исторического периода. Обнаружение многообразия способов вовлеченности советских писателей в эстетико-политический проект власти позволяет понять границы социальной ангажированности искусства в условиях сталинской модернизации. Задача одного из семинаров – «Левая идея в поле советского искусства»: сопоставить структуру советского и французского литературных полей вокруг концепта «левое искусство» – была реализована в ряде докладов (Т.В. Краева, М.С. Ильченко, М.А. Литовская, Е.П. Неменко, Л.М. Немченко), выявивших инверсию универсальных концептов политизации искусства (правое/левое, консервативное/революционное, традиционалистское/авангардное, конформистское/оппозиционное), которая происходит при их переносе из одного национального художественного поля в другое.

Ряд докладов был посвящен анализу позиций художников и трансформации их творческого поведения сквозь призму теории полей П. Бурдьё и его школы критической социологии культуры. Были обнаружены плодотворные сближения между французскими исследованиями ангажированности в искусстве и поиском общего основания практик адаптации и приспособления художников к социальным интересам. Конформизм в художественной среде был рассмотрен также сквозь призму прагматического поворота во французской социологии культуры [Неменко, 2013]. В самом общем виде прагматика творчества предполагает ответы на вопросы «зачем?» и «для чего?», постановку проблемы необходимости обретения социального статуса в обществе, обеспечивающего влияние, профессиональных компетенций, дающих право на получение ресурсов. Новизна подхода состоит в том, чтобы рассмотреть проблему конформизма художника сквозь призму его социальной вовлеченности, несущей в себе потенциал и конфликта, и развития. Амбивалентность существования искусства состоит в том, что оно содержит в себе источник критики, а значит, деструкции общественного согласия, в то же время искусство – важнейший инструмент социального баланса и

регуляции. Именно прагматическая социология в отличие от критической концепции (структурализм П. Бурдьё) сосредоточена на том, как акторы сами конструируют различные порядки ценного и легитимного. В рамках этого направления проблема конформизма может быть развернута в плоскость понимания работы ценностных режимов советской художественной системы.

В итоге «конформизм» стал на семинаре рабочим названием практик адаптации, приспособления, торга, к которым вынуждены прибегать художники в процессе взаимодействия с разного рода агентами влияния, предполагающими зависимость от власти, аудитории, собратьев по цеху и т.п., нормальных для существования человека в современном обществе. Если исходить из представления о процессе модернизации как порождающем конформизм и генерирующем соответствующий психотип, в ходе которого трудовой коллектив становится социальной «клеткой» конформизма, то конформизм может рассматриваться и как своеобразное проявление типичных для соответствующего этапа развития общества практик солидарности и сотрудничества субъекта, органично сочетающего в себе самодостаточность личности и готовность жить, не нарушая корпоративные интересы, и как социальная ориентация, основанная на рассогласовании интересов: субъект ощущает себя носителем качеств, которые ему несвойственны, групповое давление осознается субъектом как нечто негативное, но неизбежное.

Семинары планируется продолжать, так как отказ от дихотомии конформизм/неконформизм позволяет исследователям под новым углом зрения взглянуть на привычный материал.

Хотелось бы выразить благодарность всем докладчикам, постоянным и временным участникам заседаний, чьи выступления, вопросы, предложения позволяют увидеть новые аспекты проблемы; редакции журнала социально-гуманитарных исследований «Лабиринт», предоставляющего возможность помещать подробные отчеты о проведении семинаров.

Примечания

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ, грант № 13-23-08002 «Трансформации в литературных полях СССР и Франции: циркуляция "левой идеи" в период с середины 1920 – 1950-х гг.»

² Обзоры теоретических семинаров см.: Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2012. № 2; 5; 2013. № 6; 2014. № 5; 2015. № 5.

Библиографический список

- Васильев И.Е.* От авангарда к классике: кризис левого искусства и проблема творческой эволюции советских поэтов // Лабиринт. 2013. № 6.
- Воробьева М.В.* Образы конформистов в текстах культуры советского общества 1960–1980-х гг. // Лабиринт. 2013. № 6.
- Девятова О.Л.* Сергей Прокофьев в Советской России: конформист или свободный художник? // Человек в мире культуры. Региональные культурологические исследования. 2013. № 2(6).
- Журавлева Н. С.* Борьба челябинских авторов за статус советского писателя в 1930-е гг.: мотивации, ресурсы, стратегии // Лабиринт. 2015. № 5.
- Ильченко М.С.* Советские архитекторы и институты власти в 1930–1950-х гг.: стратегии взаимодействия // Вестник Пермского университета. Сер.: История. 2013. Вып. 2 (22).
- Конформизм: добровольно или принудительно: Круглый стол // Искусство кино. 2014. № 8.
- Круглова Т.А.* Конформизм как поведенческая стратегия советского художника: генезис на фоне трансформаций литературного поля // Хронология радянської культури: константи й трансформації. *Studia Sovietica*. Киев; Нежин, 2014. Вип. 3.
- Круглова Т.А.* Соблазны соцреализма, попытки «зависти», упоение причастностью: о советском художественном конформизме // Неприкосновенный запас. 2014. № 4 (96).
- Круглова Т.А.* «Левая идея в искусстве»: сопротивление или конформизм? // Вестник Пермского университета. Сер.: История. 2013. Вып. 2 (22).
- Круглова Т.А.* «Искреннее приношение свободного художника на алтарь брачного союза с трудовым государством»: случай Сергея Прокофьева // Лабиринт. 2013. № 1.
- Лейбович О.В., Королькова А.В.* «Фразисты, пустословы, лакировщики...»: критика конформизма советских литераторов в частной переписке 1954 – 1957 гг. // Лабиринт. 2013. № 1.
- Литовская М.А.* «Цинизм нынешних молодых людей прямо невероятен»: случай Валентина Катаева // Вестник Пермского университета. Сер.: История. 2013. Вып. 2 (22).

Литовская М.А. Творческие возможности демонстративного конформизма советского писателя//Неприкосновенный запас. 2014. № 4(96).

Литовская М.А. «Фабульные крючочки и петельки»: поэтика компромисса в творчестве П.П. Бажова//Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2014. № 2 (127).

Материалы Круглого стола «Конформизм в искусстве: игра в согласие» (Екатеринбург, 4 декабря 2012 г.). URL: <http://journal-labirint.com/?p=1997> (дата обращения: 28.06.2015).

Неменко Е.П. Французская социология искусства о конформизме: от критики к прагматике //Лабиринт. 2013. № 1.

Раскатова Е.М. Конформизм как стратегия культуротворчества художественной интеллигенции поздней советской эпохи // Лабиринт. 2013. № 1.

Рогачева Н.А. «Дух» и «духота» литературной пушины // Лабиринт. 2013. № 1.

Савкина И.Л. «Для таких, как он, людей, убеждения не нужны» (левое/правое, идеология и культура в дневниках Корнея Чуковского 1920-х гг.) // Вестник Пермского университета. Сер.: История. 2013. Вып. 2 (22).

Трошина Т. М. Переформатирование границ конформизма и non-конформизма после «оттепели»: студия Н.Г. Чеснокова (г. Свердловск)//Лабиринт. 2015. № 5.

Kruglova T. The conformism of the 60's generation at an aesthetic distance //Kinokultura. Issue 44 (2014).

Дата поступления рукописи в редакцию 28.06.2015

SOVIET WORLD: CONFORMISM AND CONFORMISTS

T.A. Kruglova, M. A. Litovskaya

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N.Yeltsin, Mira str., 19, 620002, Yekaterinburg, Russia

tkruglova@mail.ru

marialiter@gmail.com

The interdisciplinary project devoted to the analysis of a phenomenon of conformism in art is presented in the paper. The review of a problem field of the theoretical workshops organized in Ural Federal University in 2012–2015, where literary critics, art critics, linguists, historians, sociologists, philosophers, anthropologists, practitioners of literature and cinema took part, is given. The conformism is considered as a cultural and historical phenomenon of the Soviet culture, a form of a specific «culture of consent». Resources of methods of various Humanities capable to explain a phenomenon of the Soviet conformism are analyzed: Bourdieu's field theory, pragmatic version of sociology of culture, institutional studies, and sociolinguistics. As a result, “conformism” was used at the workshops as the ‘working’ name for the practice of adaptation: artists in the process of interaction with agents of influence assuming dependence on the power, audience, colleagues, etc., are compelled to resort to them. If we proceed from the idea that process of modernization generates conformism and the corresponding psychological type, conformism can be considered as a typical manifestation of the practice of solidarity and cooperation of the subject combining self-sufficiency of the personality and readiness to live without breaking corporate interests. At the same time, conformism is a social orientation based on a mismatch of interests between the subject who feels himself as the owner of qualities unusual for him and the group pressure which is perceived by the subject as something negative, but inevitable.

Key words: conformism, socialist realism, Soviet art culture, institutional approach to art, cultural and anthropological approach to art, art sociology.

References

Devyatova O.L. Sergey Prokof'ev v Sovetskiy Rossii: konformist ili svobodnyy khudozhnik? *Chelovek v mire kul'tury. Regional'nye kul'turologicheskie issledovaniya*. 2013. № 2(6).

Il'chenko M.S. Sovetskie arkhitektory i instituty vlasti v 1930–1950-kh gg.: strategii vzaimodeystviya. *Vestnik Permskogo universiteta. Ser. Istoriya*. 2013. Vyp. 2 (22).

Konformizm: dobrovol'no ili prinuditel'no: Kruglyy stol. *Iskusstvo kino*. 2014. № 8.

Kruglova T. The conformism of the 60's generation at an aesthetic distanceю *Kinokultura*. Issue 44 (2014).

Kruglova T.A. «Iskrennee prinoshenie svobodnogo khudozhnika na altar' brachnogo soyuza s trudovym gosudarstvom»: sluchay Sergeya Prokof'eva. *Labirint*. 2013. № 1.

Kruglova T.A. «Levaya ideya v iskusstve»: soprotivlenie ili konformizm? *Vestnik Permskogo universiteta. Ser. Istoriya*. 2013. Vyp. 2 (22).

Kruglova T.A. Konformizm kak povedencheskaya strategiya sovetskogo khudozhnika: genezis na fone transformatsiy literaturnogo polya. *Khronologiya radyan'skoi kul'turi: konstanti y transformatsii. Studia Sovietica*. Kiev-Nezhin, 2014. Vip. 3.

Kruglova T.A. Soblazny sotsrealizma, popytki «zavisti», upoenie prichastnost'yu: o sovetskom khu-

- dozhestvennom konformizme. *Neprikosnovenny zapas*. 2014. № 4 (96).
- Leybovich O.V., Korol'kova A.V. «Frazisty, pustoslovy, lakirovshchiki...»: kritika konformizma sovetskikh literatorov v chastnoy perepiske 1954 – 1957 gg. *Labirint*. 2013. № 1.
- Litovskaya M.A. «Fabul'nye kryuchochki i petel'ki»: poetika kompromissa v tvorchestve P.P. Bazho-va. I *zvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki*. 2014. № 2 (127).
- Litovskaya M.A. «Tsinizm nyneshnikh molodykh lyudey pryamo neveroyaten»: sluchay Valentina Kataeva. *Vestnik Permskogo universiteta. Ser.: Istoriya*. 2013. Vyp. 2 (22).
- Litovskaya M.A. Tvorcheskie vozmozhnosti demonstrativnogo konformizma sovetskogo pisate-lya. *Neprikosnovenny zapas*. 2014. № 4(96).
- Materialy Kruglogo stola «Konformizm v iskusstve: igra v soglasie» (Ekaterinburg, 4 dekabrya 2012 goda). URL: <http://journal-labirint.com/?p=1997> (data obrashcheniya: 28.06.2015).
- Nemenko E.P. Frantsuzskaya sotsiologiya iskusstva o konformizme: ot kritiki k pragmatike. *Labirint*. 2013. № 1.
- Raskatova E.M. Konformizm kak strategiya kul'turotvorchstva khudozhestvennoy intelligentsii pozdney sovetskoy epokhi. *Labirint*. 2013. № 1.
- Rogacheva N.A. «Dukh» i «dukhota» literaturnoy pushniny. *Labirint*. 2013. № 1.
- Savkina I.L. «Dlya takikh, kak on, lyudey, ubezhdeniya ne nuzhny» (levoe/pravo, ideologiya i kul'tura v dnevnikakh Korneya Chukovskogo 1920-kh gg.). *Vestnik Permskogo universiteta. Ser.: Istoriya*. 2013. Vyp. 2 (22).
- Troshina T. M. Pereformatirovanie granits konformizma i non-konformizma posle "ottepeli": studiya N.G. Chesnokova (g. Sverdlovsk). *Labirint*. 2015. № 5.
- Vasil'ev I.E. Ot avangarda k klassike: krizis levogo iskusstva i problema tvorcheskoy evolyutsii sovetskikh poetov // *Labirint*. 2013. № 6.
- Vorob'eva M.V. Obrazy konformistov v tekstakh kul'tury sovetskogo obshchestva 1960–1980-kh gg. III. 2013. № 6.
- Zhuravleva N. S. Bor'ba chelyabinskikh avtorov za status sovetskogo pisatelya v 1930-e gg.: motivatsii, resursy, strategii. *Labirint*. 2015. № 5.